

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

№ 3-4 (9-10)

март-апрель

2006

содержание

ЭКОНОМИКА

- Байнёв В. Ф.* Развитие научно-технической и инновационной сферы переходных к рынку стран в контексте глобальных вызовов современности 3
- Лемещенко П. С.* Университетское экономическое образование в XXI веке: классическая основа и новые стратегии 26
- Сидшина В. Л.* Типология экономического лицемерия в современной России 48
- Шорец Т. В.* Оценка влияния качества выполняемых работ на организацию финансовых расчетов на железнодорожном транспорте 52

ОБЩЕСТВО

- Мельник В. А.* «Старые» и «новые» понятия в теоретической картине мира эпохи постмодерна 57
- Земляков Л. Е.,
Коликова Н. Н.* Государственно-конфессиональные отношения в современной Беларуси 75

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- Белявский А. М.* Красная пасха в Дублине: к 90-летию ирландского восстания 1916 года 83

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ПЕРЕХОДНЫХ К РЫНКУ СТРАН В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Байнёв Валерий Фёдорович,

*доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента,
заместитель декана экономического факультета
Белорусского государственного университета (г. Минск)*

Сегодня в научной, образовательной, чиновничьей и т. д. среде всех без исключения постсоветских стран правилом хорошего тона сделались, в общем-то, справедливые рассуждения о том, что в условиях становления постиндустриальной, информационно-интеллектуальной по своей сущности экономики и беспрецедентного обострения международной конкурентной борьбы за рынки сбыта и быстро истощающиеся природные ресурсы только научно-техническая и инновационная активность способны обеспечить стране уже не просто место в ряду технологически развитых государств, а шансы на элементарное выживание. В научной литературе часто встречается утверждение о том, что сегодня устойчивый экономический рост отождествляется исключительно с внедрением достижений научно-технического прогресса (НТП) и интеллектуализацией факторов производства. Согласно указанным источникам, на долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании и организации производства, приходится до 80 % прироста ВВП наиболее развитых стран мира. При этом ожидается, что в ближайшие 15 лет объём реализации наукоёмких и высокотехнологичных товаров в 10 раз превзойдет общую стоимость продукции сырьевого сектора. Всё это объективно делает бесперспективной сырьевую ориентацию экономического роста и настоятельно диктует *необходимость приоритетного, опережающего развития именно научно-инновационной сферы.*

Здесь очень важно отметить, что, характеризуя известный этап развития социалистических стран термином «застой», идеологи перехода к рыночному капитализму в качестве фундаментального недостатка

плановой экономики неизменно обозначали низкую инновационную восприимчивость субъектов хозяйствования, находящихся в условиях административного нажима и потому лишённых самостоятельности и инициативы. Исходя из этого базового тезиса едва ли не главной целью перехода от социалистического «застоя» к рыночно-капиталистическому «взлёту» (разумеется, наряду с кратным повышением уровня жизни населения) декларировался резкий рост в условиях рыночной конкуренции инновационной активности экономических систем всех уровней, включая и национальную экономику в целом. По заверениям апологетов и трансляторов нового, пришедшего на смену советской политике учения о чудотворной силе «невидимой руки» рыночного капитализма, указанная активность должна была подстегнуть аксиотажный спрос на научно-техническую продукцию. В переходных странах методично и повсеместно внушалось, что этот спрос, в свою очередь, стимулирует беспрецедентный рост масштабов и качества научных исследований и разработок и тем самым весьма скоро, едва ли не за 500 дней, переместит и без того вторую в мире экономику на немыслимые даже для США высоты.

В наши дни, спустя полтора десятилетия с начала активных рыночно-капиталистических реформ, на постсоветском пространстве об инновациях по-прежнему не говорят разве что ленивый. Проблемы развития НТП и инноватики уже послужили объектом и предметом исследования многочисленных успешно защищённых диссертаций, а также завершённых научно-исследовательских и опытно-конст-

рукторских работ (НИР и НИОКР). При этом если бы удалось реализовать хотя бы половину задуманного их авторами, то человечество давно летало бы на отдых в другие галактики, а не было обеспокоено тем, что каждую минуту от голода умирают около 60 землян. Поощряемая тематика НИР и НИОКР и их, как правило, копеечное финансирование, которого после выплаты мизерной заработной платы и покупки бумаги для бесчисленных отчетов уже не хватает даже на заправку картриджа, скорее призваны отвлечь научную мысль от решения острейших социально-экономических проблем, нежели способствовать ее привлечению к их решению. Действительно, оформление по нескольку раз в год формальных, никем не читаемых и представляемых в два-три места, по выполняемым по разным формам отчетов, а также прочая бумажно-бюрократическая волокита не оставляют учёному времени и творческой энергии на выполнение прямых функций. В практике любого заместителя декана по науке нередки случаи, когда талантливые учёные, однажды пройдя тернистый путь «выбивания» финансирования НИР и ее последующего «бумажного» сопровождения, наотрез отказываются его повторять.

Непосредственно проблемам научно-технической и инновационной деятельности регулярно посвящаются многочисленные форумы, конференции, симпозиумы, семинары и т. п. При этом большинство аналогичных, даже неспециализированных мероприятий предлагают как минимум секцию, решающую глобальные проблемы стимулирования инновационной деятельности в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в сферах

образования, здравоохранения, культуры, искусства, бытового обслуживания населения... Практически повсеместно и регулярно устраиваются разнообразные ярмарки, салоны и бутики инноваций и инвестиций. В последние годы в научной среде нарастает активная риторика о необходимости создания локальных, региональных, национальных и глобальных рынков инновационных ресурсов. Складывается впечатление, что весьма могущественная «невидимая рука» своими манипуляциями подталкивает научную общественность переходных стран к тому, чтобы эти по-настоящему актуальные и без преувеличения жизненно важные проблемы элементарно «забывались», подобно тому как в свое время была подхвачена, растиражирована и тем самым девальвирована обречённая на плодотворность концепция формирования и справедливого использования природной ренты, озвученная кандидатом в президенты Российской Федерации С. Ю. Глазьевым.

К сожалению, указанные опасения становятся вполне обоснованными в процессе даже беглого просмотра, например, статистического сборника государств — участников СНГ. Беспристрастная статистика неумолимо свидетельствует о том, что, несмотря на активные рыночно-капиталистические реформы, сулящие научно-технологический прорыв и процветание, все отказавшиеся от «застойной» плановой системы хозяйствования постсоветские страны демонстрируют диаметрально противоположные тенденции социально-экономического развития, нежелезодогоняемые ими страны — лидеры мировой экономики. В числе «завоеваний» рыночного капитализма, неумолимо надвигающегося на спеша-

щие в него страны: резкое падение ВВП и уровня жизни большинства населения; кратное снижение инвестирования в основной капитал и угрожающий деиндустриализацией износ производственных мощностей; чудовищная социально-экономическая дифференциация людей и регионов; возросшие в десятки раз уровни преступности и безработицы, расцвет порноиндустрии, наркомании, работорговли и терроризма; быстрая деградация населения, а кое-где и его стремительная депопуляция; хронические кровопролитные локальные войны, приведшие к разрушению отдельных стран; возросшая до неимоверных размеров долговая кабала на фоне бегства капиталов и мозгов и т. д.

И только возросшая в разы добыча и массированная продажа за рубежом **объективно ограниченных** сырьевых ресурсов позволили многострадальному населению переходных к рынку стран перейти от ставшего в середине 1990-х гг. откровенно невыносимого, нищенского, сопровождающегося хроническими невыплатами зарплат существования к относительно достойному уровню жизни 1960–70-х гг. «застойного» периода, что сегодня уже преподносится либерал-реформаторами как чудесное рыночное исцеление экономики (вот уж воистину: хочешь сделать человека счастливым, заведи у него всё, а потом верни половину!). И действительно, Россия, например, наконец-то обогнав в упорном соревновании Саудовскую Аравию по добыче и экспорту нефти, вышла на первое место в мире по этому почётному для информационно-технотропной экономики показателю, что дало россиянам и другим братским народам временную (до неумоли-

мо надвигающегося истощения недр) передышку. Чего стоят одни только планы руководства России превратить страну в «энергетическую сверхдержаву» — не в технотропную, индустриальную, космическую, научно-технологическую и т. д., а именно в энергетическую, сырьевую по сути, нацеленную на быстрое «проедание» ресурсов и истощение недр экономики.

На наш взгляд, здесь очень важно проследить истоки и понять причины всех бед и проблем, столь «нежданно» навалившихся на подавляющее большинство переходных и развивающихся стран мира, включая и государства бывшего СССР. Попытки осмыслить происходящее заставляют обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. Быстро растущий дефицит ограниченных ресурсов обусловил в западных научных кругах обеспокоение и рост популярности восходящей к традициям Римского клуба концепции «золотого миллиарда», которая, в конечном счете, свелась к констатации принципиальной невозможности обеспечения достойного (по западным меркам) уровня жизни для всех 6 млрд жителей Земного шара. Апологеты данной (весьма близкой, на наш взгляд, к фашизму) концепции скрупулезно подсчитали, что планетарных ресурсов достаточно для безбедного содержания лишь 1 млрд землян, причем если «позолотая» (т. е. второсортная) часть человечества, *осуществив научно-технологический прорыв*, все же обеспечит себе аналогичный уровень жизни, то природных ресурсов хватит «на всех» лишь на 10–15 лет. Отсюда следует принципиальный и очень многозначительный вывод, который, на наш взгляд, исчер-

пывающе точно объясняет многие негативные процессы, социально-экономические кризисы и прочие бесконечные беды, обрушившиеся «вдруг» на большинство развивающихся и переходных к рынку стран.

Суть этого вывода сводится к тому, что вряд ли в так называемых странах «золотого миллиарда», которые сегодня, в отсутствие ориентированного на социальную справедливость сдерживающего противовеса в лице СССР, фактически сделали планетарными гегемонами, искренне переживают по поводу технологической и социально-экономической отсталости стран «третьего» мира и переходных к рынку государств. Скорее, наоборот, вопреки лживым публичным декларациям, руководствуясь главным рыночным принципом ориентации на индивидуальный успех, опираясь на финансовую мощь и действуя через щедро поощряемую «пятую колонну», *лидеры мировой экономики готовы и будут делать всё от них зависящее, чтобы ни при каких условиях не допустить указанного научно-технологического прорыва и сокращения отставания, а лучше вообще обеспечить стагнацию (в идеале — полное уничтожение) научно-технологического и инновационного потенциала в переходных и развивающихся странах*. Отнюдь не случайно, по мнению российского журнала «Экономист», западный мир, включая даже дружественный ЕС, «обнаруживает стойкую заинтересованность не столько в индустриально развитой, сколько в сырьевой России». Так, ЕС согласен вести с Россией «энергетический диалог» и быстро принял соответствующие решения. Однако нет и речи о диалоге технологическом,

научно-техническом, авиационном, космическом, технотронном и т. д. Тем самым ЕС указывает компрадорской России (и другим переходным к рынку странам. — В. Б.) на отведенное ей место сырьевой провинции развитых держав» [6, с. 22].

В условиях, когда хозяином положения в мировой экономике является обладатель передовых и продвинутых (в современных условиях — наукоёмких и технотронных) технологий, достижение вышеуказанной стратегии Запада по поддержанию дальнейшей научно-технической деградации стран-аутсайдеров означает их превращение в источники дешёвого сырья и рабочей рабочей силы. По сути дела, речь идет об их колонизации и порабощении новыми планетарными диктаторами, которые, опираясь на эксплуататорскую сущность денежных единиц и либерально-рыночной идеологии, в условиях отсутствия сдерживающего фактора приступили к активной рыночной агрессии и оккупации остального мира. К сожалению, *единственным мериллом значимости, могущества и власти в рыночно-капиталистической экономике являются деньги* (достаточно вспомнить известное высказывание Б. Березовского: «Демократия — это безграничная власть крупного капитала» [2, с. 19], или высшую американскую мудрость: «Человек стоит столько, сколько у него денег»). Учитывая, что по-настоящему серьезные финансовые ресурсы сегодня сосредоточены в западных странах, необходимо констатировать, что активное распространение либерально-рыночной идеологии в развивающихся и переходных странах равнозначно установлению над ними безграничной власти огромного западного капитала. Для ре-

ализации этого грандиозного неокolonialного проекта Запад, опираясь на необъятные финансовые возможности для подкупа «пятой колонны» в развивающихся и переходных странах, стремится привести на ключевые посты в правительствах, СМИ, науке, экономике и образовании «своих» людей — апологетов рыночного либерализма, которые в одних странах вполне открыто отстаивают его идеологию (Россия, Украина, Грузия), в других — временно затаились и терпеливо ждут своего часа, подобно тому как дождались его вдохновители перестройки и рыночно-капиталистических реформ в СССР.

В отдельных странах СНГ дело вообще дошло до абсурда, связанного с финансированием президентских выборов и выплатой заработной платы высшим должностным лицам, включая президента, из-за рубежа (разумеется, не из Кении или Камеруна, а, главным образом, из США и Великобритании). В частности, в программе «Постскриптум» на ТВЦ от 11 февраля 2006 г. известный миллиардер-«филантроп» Дж. Сорос с плохо скрываемой гордостью повествовал миру о том, что ныне на его содержании находятся многие высшие должностные лица Грузии, пришедшие к власти в результате «цветной» революции, которая, как это следует из информации названной телепередачи, также была реализована не без финансового участия США. Разумеется, предоставление денежного довольствия «независимому» руководству этой страны позволяет миллиардеру иметь его в качестве надежного проводника идеологии и политики, всецело отвечающей интересам *интернациональной (планетарной, глобальной) олигархии*,

типичным представителем которой Дж. Сорос, собственно, и является. В частности, как это следует из программы, находящийся на содержании у этого миллиардера пылкий президент Грузии сегодня и сам уже намерен сделаться инициатором распространения аналогичных финансово-демократических революций в другие, не зависящие от западного капитала страны, и прежде всего в Беларусь, сделав ее народ по-настоящему независимым и свободным (остается только добавить, от национального суверенитета и экономического роста, как это случилось в Грузии).

В эфире телепрограмм «Постскриптум» на ТВЦ и «Программа максимум» на НТВ от 17 сентября 2005 г. экс-президент Украины Л. Кравчук аргументированно доказывал, что «оранжевая» революция в Украине и последовавшая за ней смена высшего руководства страны также были профинансированы из-за рубежа, и даже демонстрировал телезрителям копии соответствующих финансовых документов. При этом один из финансистов этого цветного проекта, вездесущий бизнесмен Б. Березовский, в том же самом эфире подтвердил факт своего влияния на «демократическое» волеизъявление украинского народа.

Если финансово-демократическое управление извне в переходных странах столь масштабно «в верхах», то стоит ли говорить о том, насколько оно эффективно, что называется, «на местах». Так, например, главная задача назначенных аналогичным образом «своих» руководителей СМИ переходных стран — «вдолбить» в голову рядового обывателя рыночный миф о небывалой «эффективности» рыночно-капиталистической экономики за-

падного образца, которая обеспечивает высокий уровень жизни для 18,5 % населения за счет потребления 80 % планетарных ресурсов и при этом обеспечивает до 90 % загрязняющих окружающую среду отходов. Отнюдь не случайно известные в прошлом российские медиамагнаты Б. Березовский и В. Гусинский, а также другие подобные бизнес-деятели, добросовестно выполнив эту отведенную интернациональной олигархией миссию, благополучно скрылись от правосудия в неприступной цитадели рыночного капитализма — Лондоне.

«Свои» руководители в сфере образования не просто призваны окончательно «затреть» и «задержать» реформами такую деликатную сферу, как система образования, но и *обязаны упорно ориентировать подготовку специалистов экономического профиля на рыночно-капиталистическую образовательную парадигму*, базирующуюся на неоклассическом, а теперь уже и на неонституциональном «мейнстриме» (экономике). Сегодня многим уже вполне очевидно, что данный образчик экономического знания, метко названный «примитивной штаргалкой» (В. Леонтьев), «выкидывшем экономической теории» (В. Ельмеев), «экономической теорией классной доски» (Р. Коуз), представляет собой вовсе не науку или образовательную дисциплину, а *идеологию интернациональной олигархии*, нацеленную на неокolonизацию всего мира.

Действительно, в условиях, когда в распоряжении отдельных стран находятся огромные финансовые ресурсы (в придачу к крылатым ракетам и авиапосадкам), а у большинства — лишь обесценивающиеся национальные валюты и долги, то повсеместное распростране-

ние рыночно-капиталистической идеологии несёт лишь утверждение безграничной диктатуры западного капитала над остальным миром и режима эксплуатации «золотым миллиардом» «пезологой» части человечества. По сути дела, то, что читается студентам в экономических вузах бывшего СССР, в большинстве своём *лженаука* (или *антинаука*), то есть специально разработанная для колониальных стран и распространяемая в интересах интернациональной олигархии экономическая научно-образовательная парадигма. О каком рынке, конкуренции и демократии можно всерьёз вести речь, в условиях, когда отдельные западные транснациональные корпорации и банки (ТНК и ТНБ) по финансовой мощи многократно превосходят подавляющее большинство национальных экономик мира? Когда отнюдь не самый «крутой» олигарх может в одиночку профинансировать смену руководства в какой-либо европейской стране с многомиллионным населением, содержать президентов и его окружение других не самых малых государств или вообще «обвалить» финансовые рынки целого ряда стран, как это случилось во время так называемого российского дефолта 1998 г.? По нашему мнению, *сегодня речь должна идти не о демократии, рынке и рыночной конкуренции, а о глобальной капиталократии, рыночном тоталитаризме и планетарной диктатуре денег*, в связи с чем нам уже давно пора начать всерьёз изучать не рыночно-конкурентную, а директивно-плановую, управляемую из *планетарного финансового центра* экономику, поскольку, по мнению весьма авторитетных учёных, сегодня 1 % населения контролирует 99 % всего богатства мира, причём на долю всего лишь

258 долларовых миллиардеров приходится почти 50 % [14, с. 14].

«Свои» чиновники от науки обязаны так определять тематику и распределять финансирование НИР и НИ-ОКР, чтобы научная мысль прочно встала на позиции научного обоснования жизненно важной необходимости рыночно-капиталистических реформ. Эти реформы должны предусматривать дальнейшее снижение конкурентоспособности национальных экономик переходных стран перед лицом и без того всемогущих западных мегакорпораций (ТНК и ТНБ) путём дробления крупных предприятий и пародно-хозяйственных комплексов под благовидным предлогом создания рыночной конкурентной среды и на фоне всемерного восхваления живительных свойств малого, мидли- и микробизнеса.

Рыночно-капиталистические реформы под столь же благовидным предлогом борьбы с главным врагом народа — инфляцией — и под соответствующим научно-теоретическим прикрытием либерального монетаризма должны «сжать» денежную массу настолько, чтобы предприятия реального сектора экономики, задыхнувшись от физической нехватки финансовых ресурсов, либо попросту прекратили существование, либо через процедуры банкротства сменили хозяина [подробнее об этом см.: 2, с. 13–15]. При этом провозглашённый «локомотивом экономики» банковский сектор в условиях тотального дефицита финансовых ресурсов должен развернуть грандиозную спекуляцию и окончательно обескровить пародное хозяйство, взвинтив процентные ставки по кредитам до уровня,кратно превышающего рентабельность в реальном секторе экономики.

В результате этого действия интернациональная олигархия выиграет трижды. Во-первых, сгинувшие в пламени рыночно-капиталистических реформ предприятия усилят монополистическую власть западных мегакорпораций. Во-вторых, искусственный дефицит денег приведёт к масштабной долларизации страны, которая, потеряв возможность самостоятельно определять свою кредитно-денежную политику, делегирует это право иностранным и международным, аффилированным с интернациональной, и прежде всего американской, олигархией финансовым институтам. Неслучайно влиятельный американский политик Зб. Бжезинский в своей широко известной книге «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» цинично указывал на то, что «...следует считать частью американской системы глобальную сеть специализированных организаций, особенно "международные" (кавычки Зб. Бжезинского! — В. Б.) финансовые институты. Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, можно сказать, представляют глобальные интересы и их клиентами можно назвать весь мир. В действительности, однако, в них доминируют американцы, и в их создании прослеживаются американские инициативы (и, разумеется, интересы. — В. Б.)» (с. 40). И, наконец, в-третьих, новыми хозяевами обанкротившихся и приобретённых по дешёвке предприятий, равно как и учредителями «локомотивов экономики» станут опять-таки «свои», назначенные и прокредитованные интернациональной олигархией люди, а не рядовые граждане переходных стран, предусмотрительно лишённые в 1991 г. даже мизерных накоплений за советский период.

Один из наиболее распространённых рыночных мифов о чудотворной силе иностранных инвестиций позволит всепожирающему западному капиталу беспрепятственно проникать в любую страну мира для приобретения практически даром наиболее эффективных национальных активов, предприятий сырьевого и энергетического секторов, инфраструктуры. Разумеется, «свои» новоиспечённые собственники и назначенные ими менеджеры, отработывая оказанное доверие и предоставленные для колонизации переходных стран финансовые средства, организуют массовую переброску на Запад ресурсов из развивающихся стран, а заодно и выручки от её продажи (в виде, например, печально известного российского стабилизационного фонда или 13 млрд USD, легально вывезенных в 2005 г. в Великобританию одним известным российским бизнесменом). По замыслу «пятой колонны» в науке, единственная сила, которая может помешать выполнению этих планов — «зримая рука» Президента, должна быть методически, шаг за шагом, вытеснена из сферы управления экономикой великим учением о чудотворной силе «невидимой руки» рынка, для чего достаточно ежегодно выпускать в народное хозяйство специалистов, уверенных в том, что саморегулирующийся рынок вполне самодостаточен и не нуждается в чьей-либо помощи.

«Своя» экономическая наука должна убедительно доказать общественности, что снижение и без того запятого в 3–5 раз курса национальной валюты — только в интересах отечественного товаропроизводителя, который благодаря этому должен «задавить» всех конкурентов на зарубеж-

ных рынках [подробнее об этом см.: 2, с. 15–16]. На деле же, в условиях несравненно более низкой заработной платы населения переходных стран и такого же платежеспособного спроса стоимость входящего в состав конечной продукции сырья, цена на которое в условиях либерализма и открытости уже давно стала мировой, превосходит ту цену, по которой эту продукцию возможно продать внутри страны. И действительно, если из-за соответствующего платежеспособного спроса, например, кастрюли стоит на внутрироссийском рынке максимум 300 руб., а стоимость входящего в её состав алюминия соответствует мировой и составляет 10 USD, то при искусственно заниженном курсе национальной денежной единицы 30:1 (против реального 10:1) стоимость одного только металла в составе этой кастрюли достигает $10 \times 30 = 300$ руб., вместо реальной $10 \times 10 = 100$ руб. Следовательно, искусственно заниженный курс национальной валюты губит отечественного товаропроизводителя, вследствие чего дважды выигрывает опять-таки интернациональная олигархия, поскольку, во-первых, западные мегакорпорации постепенно монополизуют даже внутренние рынки переходных стран со всеми вытекающими из монополизма последствиями, а во-вторых, сырьё вместо глубокой переработки на ставших переплачиваемыми отечественных предприятиях, масштабно сбывается в развитые страны, что прочно приковывает население переходных стран к «сырьевой тачке».

Кроме того, «свои» учёные в экономической науке, как это уже отмечалось, призваны окончательно «заболтать», недофинансировать, до пре-

дела забюрократизировать и тем самым девальвировать значимость по-настоящему актуальных проблем и научных направлений, решение и развитие которых способно привести к научно-технологическому прорыву развивающихся и переходных стран. А «свои» чиновники в правительствах переходных стран за право «красиво тусоваться» где-нибудь в Давосе и в перспективе стать совладельцами (разумеется, наряду с западными ТНК) «скромных» пакетов акций в бывшей общенародной собственности должны активно реализовывать все вышеперечисленные «научно обоснованные» экономические решения, а заодно недофинансировать науку, но уже в национальном масштабе. В итоге переходная к рынку страна под знаменем святого дела борьбы с инфляцией и рыночного табу на участие государства в экономике до предела «сжимает» бюджетные расходы на науку и образование, а также другие жизненно важные для технологического прорыва отрасли. А чтобы весь мир не хохотал над и без того гигантским профицитом, либерал-реформаторы прибегают к активно критикуемой «технологии» искусственного занижения ВВП и доходной части государственного бюджета. При этом важно упомянуть, что в отдельные «ключевые» периоды развития некоторые переходные к рынку страны едва ли не с гордостью за оказанную им честь представляли проекты своих госбюджетов для одобрения Конгрессом США...

Лишь отдельные страны (Беларусь, к счастью, в их числе), по тем или иным причинам не поддавшиеся на внешне привлекательную пропаганду рыночно-капиталистической глобализации по правилам «вашингтонского

консенсуса» (т. е. интернациональной олигархии), все еще сохраняют способность к проведению более или менее самостоятельной промышленной, научно-технической, бюджетной, кредитно-денежной и т. д. политики. Однако против непокорных у гуманистического Запада припасено еще одно действительное средство, которое, кстати говоря, является одним из наиболее веских аргументов в пользу интеграционных процессов на постсоветском пространстве в рамках, прежде всего, Союзного государства. Сегодня мы все являемся очевидцами того, как так называемые развитые страны, опираясь на военную мощь планетарного «держиморды» в лице воинствующих США и НАТО, сообща приступили не только к рыночно-идеологической, но и к прямой военной агрессии и оккупации («демократизации») несговорчивых стран, обладающих ресурсами, столь необходимыми потребительно-эгоистичному Западу. Иными словами, рыночный капитализм вступил в экстремальную стадию — стадию глобального империализма, обусловленного невозможностью поддержания привычного для развитых стран чрезмерно высокого уровня потребления из-за нарастающего истощения собственных ресурсов и связанного со стремлением сохранить этот уровень за счёт доступа любой ценой к сырьевой базе менее развитых стран, которым она досталась лишь по «недоразумению».

Разумеется, военно-демократические меры будут применяться лишь после исчерпания всех возможных приёмов идеологической агрессии, важным направлением которой является распространение силами «пятой колонны» идей либерализма и рыночно-капита-

листической научно-образовательной парадигмы, которые призваны нанести сокрушительный удар, прежде всего, по научно-техническому, образовательному и индустриальному потенциалу переходных к рынку стран, навсегда приковав их население к «сырьевой тачке». Судя по статистической информации, указанная идеологическая борьба сегодня находится в самом разгаре. Отнюдь не случайно в начале данной статьи мы говорили о диаметрально противоположных тенденциях развития научно-технической и инновационной сферы стран СНГ по сравнению с лидерами мировой экономики. Так, если даже официальная оценка происходящих в научно-инновационной сфере, например, России процессов характеризует их как «ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях развития, отток за рубеж специалистов и интеллектуальной собственности... увеличивающийся технологический отрыв от ряда ведущих держав» (*Концепция национальной безопасности РФ*), то оценки самих российских ученых менее сдержанны и звучат примерно так: «стремительная деградация научно-производственного потенциала страны... разгром отечественной фундаментальной и прикладной науки... движение истории вспять» [7, с. 167].

В частности, по мнению директора Института Европы РАН академика Н. Шмелёва, за прошедшие 10–15 лет 2/3 научно-исследовательского потенциала России было либо полностью, либо частично разрушено, а перед страной возникла перспектива превратиться в «интеллектуальное и технологическое захолустье». При этом,

считает академик, расходы на фундаментальную науку, НИОКР и образование были *преднамеренно и целенаправленно* (несомненно, стараниями неоднократно упоминавшейся «нятой колонны») сокращены более чем на порядок [13, с. 17]. И хотя, по словам заместителя председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Л. Слис-ки, «в бюджете 2006 г. заложено увеличение расходов на науку, однако этого всё равно недостаточно для того, чтобы достичь хотя бы уровня 1980 г.» (из интервью программе «Воскресный вечер» на НТВ от 25 сентября 2005 г.).

Наивная вера в чудотворную силу «невидимой руки» привела к тому, что все без исключения страны СНГ за 10–15 лет перехода к рынку резко сократили объёмы финансирования НИР и НИОКР по отношению к ВВП. По оценкам российских учёных, в Армении, Грузии, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане в 2000 г. этот показатель составил в среднем от уровня 1990 г. лишь 16–18 %, в Казахстане, России, Узбекистане — 30–33 %. Относительно лучшее положение сложилось в Азербайджане, Беларуси и Украине, где этот показатель достиг соответственно 40, 51 и 56 % от уровня 1990 г. В итоге, если в 1991 г. по показателю доли в ВВП расходов на НИР и НИОКР страны Содружества находились на среднем уровне по сравнению со странами ОЭСР, то в процессе рыночных реформ в этой системе классификации они оказались в группе государств с малым научным потенциалом на уровне Новой Зеландии и ниже [8, с. 339].

В противоположность базовым положениям либерально-рыночной доктрины, разработанной в метрополиях

для активно колонизируемых стран, в развитых государствах признают, что наиболее важный (если не сказать — решающий) фактор повышения наукоёмкости ВВП и борьбы за рынки наукоемкой и высокотехнологичной продукции — *финансирование научно-инновационной сферы*. И действительно, статистика свидетельствует о методичном и целенаправленном наращивании объёмов финансирования, прежде всего государственного, научных исследований и разработок практически во всех развитых странах. Так, за период 1994–2000 гг. затраты на эти цели в государствах ОЭСР увеличились с 416 до 552 млрд USD, что соответствует росту средней наукоёмкости с 2,04 до 2,24 % ВВП. Если в 1992 г. США на исследования и разработки потратили в общей сложности 155,2 млрд USD, то в 1997 г. совокупные расходы на эти цели достигали уже 183,3 млрд USD (прирост 18 %), а в Японии рост аналогичных расходов в указанный период составил от 68,3 до 73,6 млрд USD (8 %). В Швеции в течение 1993–1997 гг. затраты на исследования и разработки возросли с 4,7 до 5,9 млрд USD (прирост 26 %), а в Южной Корее только за два года они увеличились с 12,8 до 15,7 млрд USD (23 %). В итоге, в 2001 г. Швеция потратила на исследования и разработки, а также связанные с ними работы 5,22 % от ВВП (внутренние + бюджетные ассигнования), Финляндия — 4,38 %, Германия — 3,28 %, Франция — 3,26 %, Великобритания — 2,57 %, Австрия — 2,49 % от ВВП, а ежегодный прирост наукоёмкости ВВП за последние 5 лет в Финляндии составил 13,02 %, Ирландии — 10,92 %, Португалии — 10,01 %, Испании — 6,32% и т. д. Следовательно,

тельной
нанес-
прежде
обра-
му по-
стран.
к «сы-
стичес-
еологи-
ся в са-
айно в
рили о
х теп-
ической
СНГ по
ой эко-
альная
-инно-
России
ак «ос-
и тех-
ны, со-
ратеги-
звития,
интел-
еличи-
рыв от
ия на-
о оцен-
менее
но так:
аучно-
а стра-
амен-
двиге-
ектора
демика
-15 лет
потен-
остью,
перед
превра-
техно-
этом,

Байнёв В. Ф.

рост расходов на научно-инновационную сферу и, как следствие, увеличение наукоёмкости ВВП — мажоритарная тенденция развития стран мировой экономической элиты в последние десятилетия.

Подсчитано, что на рубеже веков ёмкость мирового рынка наукоёмкой и высокотехнологичной продукции составила от 1,5 до 2,5 трлн USD в год, и именно за этот рынок идёт наиболее жёсткая конкурентная борьба. Аспекты этой борьбы проявляются, например, в стремлении развитых стран обеспечить наукоёмкость ВВП на уровне 3 % (в Японии сегодня это значение составляет 2,99 %, в США — 2,7 %, в ЕС — 1,95 %). В частности, ЕС поставил задачу довести к 2010 г. уровень наукоёмкости совокупного ВВП до 3 % и предпринимает весьма энергичные усилия для её решения. Однако следует признать, что конкуренция, содержащая генетически встроенный механизм неизбежной монополизации любого рынка, уже сегодня обеспечила беспрецедентный уровень концентрации производства наукоёмкой и высокотехнологичной продукции в нескольких ведущих державах мира, в то время как около 90 % остальных стран практически не ведут самостоятельных научных исследований и разработок. Так, по некоторым оценкам, сегодня на долю семи высокоразвитых стран мира, имеющих наиболее высокие значения наукоёмкости ВВП, приходится, по разным оценкам, от 80 до 90 % поставок наукоёмкой продукции на мировой рынок, причём доля США на данном рынке — около 36 %, Японии — 32 %, Германии — 17 %.

Только жесточайшей глобальной эксплуатацией (глобализацией), осно-

ванной на дифференциации научно-технологического развития, можно объяснить и без того вопиющее, но при этом быстро растущее социально-экономическое неравенство как отдельных людей, так и стран, их групп и целых континентов [подробнее об этом см.: 2, 3, 5]. В частности, по данным за 2001 г. (табл. 1), на долю держав «большой семёрки» (2,7 % общего числа стран), где проживает лишь 11,4 % населения Земли, приходилось до 68 % ВВП мировой экономики. Доля же ОЭСР (11,7 % числа стран и 18,5 % населения планеты) составила почти 9/10 ВВП планетарного хозяйства. Среднедушевой ВВП в государствах «большой семёрки» и ОЭСР превосходил аналогичный показатель стран остального мира в 47,4 и 38,6 раза соответственно [5, с. 5].

Сегодня, благодаря восторжествовавшему в планетарном масштабе рыночному капитализму, который «невидимой рукой» беспощадно делит людей (народы, страны, континенты) на капиталистов и тружеников, собственников и наёмников, богатых и бедных, баснословно богатых и чудовищно нищих, вполне обыденным явлением стал тот факт, что в подавляющем большинстве из более чем 250 стран мира люди получают за тот же самый по количеству и качеству труд заработную плату в десятки и сотни раз меньшую, чем в нескольких так называемых развитых странах. В итоге, если в отдельных странах «золотого миллиарда» среднестатистический житель более 2 USD ежедневно тратит только на коррекцию фигуры, то, по данным ООН, 2,8 млрд землян, имея меньший дневной заработок, элементарно недоедают, а более 80 тыс. человек (из них 50 тыс. — дети) ежед-

Развитие научно-технической и инновационной сферы переходных к рынку стран в контексте глобальных вызовов современности

невно умирают от голода. И все это происходит в то время, когда, например, американский миллиардер Д. Трамп приценивается к серьгам стоимостью 5 млн USD для своей возлюбленной, американские поп-звёзды только на макияж ежедневно тратят более 10 тыс. USD (информация MTV от 04.12.2005 г. и 08.02.2006 г.), повоиспечённые российские капиталисты на ярмарке миллионеров едва ли

не оптом скупают искусственные острова в Красном море и приобретают персональные авиалайнеры по цене, превышающей стоимость президентского самолета Дж. Буша, а учёные-экономисты получают побелевские премии за теоретическое обоснование и легитимацию сложившейся на планете столь «эффективной» и «справедливой» рыночно-капиталистической системы хозяйствования.

Таблица 1

Распределение стран по численности населения и ВВП в 2001 г.

Группа стран	Количество входящих в группу стран		Численность населения		ВВП		ВВП в расчете на душу населения	
	ед.	%	млрд чел.	%	млрд USD	%	USD/чел.	разы в сравнении с остальным миром
Весь мир	256	100,0	6,16	100,0	31 075,8	100,0	5044,7	7,9
ОЭСР*	30	11,7	1,14	18,5	27 885,7	89,7	24 547,3	38,6
в т. ч. «большая семёрка»	7	2,7	0,7	11,4	21 104,9	67,9	30 106,8	47,4
Остальной мир	226	88,3	5,02	81,5	3 190,1	10,3	635,4	1

Примечание: *ОЭСР — организация экономического сотрудничества и развития

Развивающиеся и переходные страны могут вырваться из цепей внешней эксплуатации и, соответственно, бедности лишь путём форсированного накопления промышленного капитала, притом технологически передового, основанного на масштабном использовании достижений самых современных научных исследований и разработок. Вопреки этому очевидному условию все государства — участники СНГ демонстрируют негативную динамику развития научно-технической и инновационной сфер, прежде всего по такому важнейшему показателю, как наукоёмкость ВВП, причём кардиналь-

ное ухудшение ситуации произошло именно в последние 10—15 лет рыночного «оздоровления». Несмотря на то что при обосновании необходимости рыночных реформ в качестве главного дефекта планово-директивной экономики неизменно обозначалась низкая инновационная восприимчивость последней, вопреки всем заверениям идеологов «великого перехода», все без исключения страны СНГ по мере построения рыночных систем хозяйствования демонстрируют обвальное (в 2—11 раз) снижение наукоёмкости ВВП (табл. 2). Как следствие, резко снизилась доля стран региона на рынке на-

Байнёв В. Ф.

укоёмкой и высокотехнологичной продукции. По оценкам специалистов Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, за последние 10–12 лет доля наукоёмкого сектора на внутреннем отечественном рынке сократилась с 12 до 6 %, а удельный вес России в мировой наукоёмкой отрасли снизился в 8–9 раз и составил менее 1 %. По другим оценкам, российская доля на анализируемом рынке сегодня гораздо меньше и составляет лишь 0,3 %, причём другие страны региона СНГ демонстрируют далеко не лучшие показатели.

При этом очень важно отметить, что специалисты однозначно констатируют ошибочность и даже пагубность распространённого (а точнее, сознательно навязанного) в переходных странах представления о том, что в государствах мировой экономической элиты именно малый бизнес обеспечивает инновационность экономичес-

кого роста в целом. К сожалению, такая глобальная тенденция, как стремительная монополизация мировой экономики ТНК и ТНБ, не обошла стороной и данную сферу. Согласно исследованиям некоторых российских специалистов, *научные исследования и разработки — это область, отличающаяся исключительно высокой монополизацией и концентрацией ресурсов в нескольких весьма крупных корпорациях*. Так, всего 1 % крупных фирм из общего числа компаний, ведущих научные исследования и разработки в США, контролирует 70 % всех расходов на эти цели средств (частных и федеральных). Монополизация в расходовании государственных средств ещё выше, поскольку примерно 0,5 % крупных компаний получают 84 % всех ассигнований на науку в частном секторе [7, с. 59]. Эта глобальная тенденция, выявленная в свое время ещё Дж. Гэлбрейтом, является

Таблица 2
Динамика наукоёмкости ВВП в странах СНГ
в трансформационный период 1990–2003 гг.

Страна	Стоимость (объём) выполненных научных исследований, разработок и научно-технических услуг, % к ВВП			
	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.
Азербайджан	1,0	0,31	0,35	0,2
Армения	2,5	0,30*	0,26	0,3
Беларусь	2,3	0,95	0,81	0,7
Грузия	1,2	0,11	0,19	0,1
Казахстан	0,7	0,27	0,17	0,3
Кыргызстан	0,7	0,26	0,13	0,2
Молдова	1,6	0,75	0,58	0,4
Россия	3,0	0,81	1,28	1,5
Таджикистан	0,7	0,11	0,07	0,06
Туркменистан	0,7	0,26	0,10*	-
Узбекистан	1,2	0,39	0,36*	-
Украина	2,3	1,34	1,14	1,1

Примечание: *1999 г.; составлено по данным [см.: 8, с. 340; 11, с. 164].

объективной, поскольку современные серьёзные НИР и НИОКР являются весьма дорогостоящими, требуют колоссальных финансовых средств, и потому позволить себе такую «роскошь» могут только весьма крупные и финансово устойчивые компании.

В переходных же странах некоторые учёные, словно хорошо заученную молитву, тиражируют очередной рыночный миф о небывалой инновационности малого бизнеса, который в либерально-рыночных условиях, т. е. в отсутствие какого-либо патронажа и главное — финансирования НИР и НИОКР со стороны государства, якобы способен потратить многие миллиарды и даже триллионы USD на создание термоядерной и водородной энергетики, развитие лазерных, биологических, микроэлектронных, авиационных, космических и т. п. технологий, столь необходимых для научно-технологического прорыва. Следует признать, что в инновационной компетенции малого бизнеса — изменение цвета и формы упаковки, улучшение конфигурации пробки тюбика с зубной пастой, оптимизация расстановки мебели или меню в пивном пабе и т. п., но отнюдь не усовершенствование ускорительного элемента в синхрофазотроне или электронном микроскопе. Времена, когда закон всемирного тяготения можно было открыть, лёжа под яблоней, безвозвратно ушли. Сегодня осуществление сколько-нибудь серьёзных НИР и НИОКР — это удел крупных и очень крупных вертикально интегрированных государственных либо государственно-корпоративных компаний, способных нести огромные финансовые расходы и впоследствии защищать интеллектуальную собственность, которая в противном случае

мгновенно сделается всеобщим достоянием.

Сокращение объёмов государственного финансирования исследований и разработок закономерно привело к «голоду» на идеи и открытия, значительному снижению результативности НИР и НИОКР, уменьшению числа патентов на открытия и изобретения, сокращению числа инновационно-активных промышленных предприятий, оттоку специалистов из отрасли и вообще за рубеж, снижению авторитета науки стран СНГ и т. п. В частности, если в начале 1980-х гг. в СССР ежегодно регистрировалось около 100 тыс. патентных заявок, то сегодня в странах СНГ это число снизилось более чем в 2,5 раза (в России в 2003 г. подано 24 969 заявок, в Беларуси — 1 259 заявок). Если в бывшем СССР около 60 % предприятий попадали в категорию инновационно-активных, то в 2003 г. в Беларуси было 314 предприятий (13,6 % от общего числа), так или иначе связанных с осуществлением инноваций, в России таких предприятий насчитывалось 2 191 (10,3 %), а в других странах СНГ этот показатель был ещё хуже. Для сравнения: сегодня в странах ЕС доля инновационно-активных предприятий превышает 50 %. Если в середине 1960-х гг. средний индекс цитирования работ советских учёных в мировой научной литературе уступал американскому примерно в 1,5 раза, то сегодня этот разрыв вырос почти в 10 раз.

Разумеется, отмеченные негативные процессы очень быстро отразились и на социально-экономической ситуации в странах исследуемого региона. Так, если согласно сведениям, опубликованным Евразийским международным научно-аналитическим журналом, СССР

Байнёв В. Ф.

по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) занимал 26-е место в мире и тем самым неаппетитно уступал США (19-е место), то за годы «рыночного оздоровления» России, оказавшейся по ИРЧП на 60-м месте, этот разрыв увеличился почти в десять раз [4, с. 65]. Указанное ухудшение произошло вследствие целого ряда сравнимых с национальной катастрофой причин, среди которых [см.: 1, 12, 16]: а) снижение в 2–3 раза реальных доходов россиян; б) сокращение на 6–9 лет ожидаемой при рождении продолжительности жизни; в) сопоставимая с военной ситуацией депопуляция населения на 500–900 тыс. человек ежегодно и его прогрессирующая деградация (некоторые ученые называют депопуляцию, наблюдаемую с начала рыночных реформ, «рыночным экономическим геноцидом», «рыночным апартендом», «рыночным ге-

ноцидом русских» [12, с. 166; 16, с. 180]); г) падение объёмов ВВП, промышленного производства и производительности труда в 1,5–2 раза и т. д.

Считается, что одним из наиболее ярких показателей регресса научно-инновационной сферы и снижения научно-инновационного потенциала стран СНГ является сокращение численности работников, занятых научными исследованиями и разработками, за счёт оттока в другие более доходные сферы деятельности и за рубеж (табл. 3). При этом на фоне быстрого сокращения общей численности исследователей существенно снизилась и квалификация. Так, за рассматриваемый период доля специалистов научно-инновационной сферы, имеющих учёные степени, по всем странам СНГ сократилась в среднем на 26 % (в Беларуси – на 33 %, а в России – на 24 %).

Таблица 3

Динамика численности работников, выполнявших научные исследования и разработки в государствах – участниках СНГ, в 1991–2003 гг.

Страна	Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки (исследователи и техники без учёта вспомогательного и прочего персонала), тыс. чел.			
	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.
Азербайджан	16,4	13,1	11,6	12,7
Армения	17,2	6,7	6,5	5,0
Беларусь	59,3	26,9	22,3	20,0
Грузия	24,9	18,9	11,1	13,5
Казахстан	27,6	18,0	10,2	11,2
Кыргызстан	5,7	3,6	2,3	2,2
Молдова	12,9	5,8	4,1	3,1
Россия	1079,0	620,1	501,0	481,5
Таджикистан	4,4	1,8	2,1	1,8
Туркменистан	5,7	4,0	-	-
Узбекистан	41,3	16,9	-	-
Украина	295,0	179,8	120,8	104,8

Источники: [8, с. 343; 11, с. 165].

Примечательно, что, по мнению российских учёных, чиновники от науки самого высшего ранга (например, экс-министр науки и технологий Б. Салтыков, вероятно, тот самый «свой» чиновник) уверяли, что России в наследство досталась *слишком большая* (!) да и в кадровом отношении «избыточная» наука. При этом позиция чиновника разительно совпала с мнением иностранных экспертов, «благодаря» чему самый сильный удар по науке нанесло собственное государство, резко сократив бюджет и почти лишив государственного заказа. Иными словами, науку просто поставили в такие жёсткие финансовые условия, что люди сами стали из неё уходить [10, с. 28]. Достаточно сказать, что при законодательно закреплённом уровне финансирования отрасли на отметке 4 % ВВП это значение ни разу за все годы рыночных реформ не было выполнено хотя бы наполовину.

При этом откровенное мнение другого либерал-реформатора — министра экономического развития России Г. Грефа *о неужности для страны Российской академии наук*, озвученное им летом 2005 г. [14, с. 21], позволяет сделать прогноз о перспективах развития научно-технического и, соответственно, инновационного секторов страны в условиях дальнейшего рыночного «оздоровления». Структура инвестиций в основной капитал, когда в отрасли машиностроения и металлообработки инвестируется в 6 раз меньше (3,1 %), чем в топливно-энергетический комплекс (19 %), а в сектор «наука и научное обслуживание» направляется в 4,5 раза меньше средств (0,7 %), чем даже на машиностроение и металлообработку, наглядно иллюстрирует выбранные приори-

теты развития страны [6, с. 20]. И дело здесь, вероятно, не только в стремлении выполнить задание интернациональной олигархии по деиндустриализации страны и её превращению в источник сырьевых ресурсов для просвещённого Запада. Проблема в том, что, как справедливо отмечает журнал «Экономист», «наука, которая уже не только открывает и прокладывает путь вперёд, но и всё больше выступает прямой производительной силой, реформаторам не пужна, ибо безжалостно обнажает лженаучность и реакционность затеянных рыночных реформ. Обрабатывающая промышленность, которая материализует научные достижения и высокие технологии, им также не пужна, поскольку создает не только высокотехнологичную и конкурентоспособную продукцию, но и организованное рабочее движение во главе с высококвалифицированными работниками, осознающее свои интересы и цели, способное добиваться их, как демонстрирует, к примеру, трудящееся большинство ЕС» [6, с. 25], что содержит в себе реальную угрозу для реализации неокOLONиального проекта Запада.

В результате вышеуказанных просчётов в области научно-технической и инновационной политики государства — участники СНГ закономерно понесли огромные потери, во многом «сдав» конкурентные позиции на рынках наукоёмкой и высокотехнологичной продукции другим странам. Например, за годы построения рынка общая доля стран СНГ на мировом рынке наукоёмкой продукции сократилась в 12–15 раз и сегодня не превышает 1 %, в то время как в регионе сосредоточено 10–12 % интеллектуального потенциала планеты. Вместе

16,
про-
изво-
т. д.
более
чно-
я на-
иала
чис-
науч-
отка-
е до-
а ру-
быс-
ности
иась
треб-
науч-
ищих
СНГ
в Бе-
на

ания

с тем сегмент сырьевой продукции в общем объёме, например, российского экспорта значительно возрос, поскольку в 2004 г. в его структуре на топливно-энергетические ресурсы пришлось 56,8 %, металлы и простые изделия из них — 16,9 %, продукцию химической промышленности — 6,6 %, в то время как доля машин и оборудования за годы реформ сократилась более чем вдвое — до 7,5 %. Следовательно, сырьём и полуфабрикатами с минимальной величиной добавленной стоимости заполняется более 80 % годового вывоза товаров. Исходя из приведённых пропорций легко подсчитать, что доля сектора сырья и полуфабрикатов в товарном производстве России достигла 58–60 % [6, с. 16].

В итоге, некоторые учёные прямо констатируют, что, несмотря на «приличный» сырьевой рост, «экономика России (равно как и многих других стран СНГ. — В. Б.) в 90-е гг. XX в. двигалась в направлении, противоположном общемировым тенденциям. В развитых и многих средне- и слабо-развитых странах наблюдались технологический прогресс и экономический рост. В России же это годы спада и разрушения высокотехнологичных отраслей, обнищания населения и ослабления из-за недостатка государственного финансирования науки и образования. К концу десятилетия (за время рыночно-капиталистического «взлёта». — В. Б.) Россия по уровню производства, объёму ВВП, производительности труда, средней продолжительности жизни и многим другим показателям переведена ООН из категории развитых в число среднеразвитых стран современного мира» [10, с. 32].

Важно отметить, что на протяжении 2001–2005 гг. чиновники в целом

ряде переходных стран хором твердят об «укреплении» национальных валют и впечатляющем росте ВВП, однако агрегированная инфляция, например, российского рубля в этот период, по данным журнала «Экономист», достигла 81 %. Хотя в сопоставимых ценах ВВП России и увеличился за 2004 г. на 7,1 %, однако темп инфляции был гораздо выше — 18,8 %. В связи с этим индикатор качества экономического роста оказался по-прежнему отрицательным, что свидетельствует как о *росте отсталости*, так и об *отсталости сырьевого экономического роста* в целом (табл. 4). В условиях деградации научно-технической и инновационной сферы, когда, по мнению экспертов, доля инновационного капитала в экономике России 2004 г. составила лишь 1,96 % (для сравнения: в Китае — 8,4 %, США — 27 %) [15, с. 197], иного роста быть и не может.

Разумеется, существенные потери понесла и Беларусь, экспорт высоких технологий в которой в 2002 г. составил лишь 4 % против 23 % в среднем для стран ОЭСР. При этом за период 1995–2002 гг. доля машин и оборудования в объёме белорусского экспорта упала с 30,6 до 25,7 %, а доля минеральных продуктов возросла с 12,5 до 20,7 %. В результате недофинансирования научно-технической сферы сегодня в Беларуси 13,6 %, а в России лишь 10,3 % промышленных предприятий являются инновационно-активными, хотя в 1990 г. это значение уверенно превышало 60 % для обеих стран (сегодня в ЕС таких предприятий — более 50 %, а в США — около 60 %).

Здесь очень важно отметить, что в Беларуси снижение стоимости НИР и НИОКР, а также наукоёмкости ВВП в отличие, например, от России (см.

Таблица 4
Сравнительная приростная конкурентоспособность России в 2004 г.

Страна	Прирост ВВП, %	Инфляция, %	Сальдо платёжного баланса, %	Безработица, %	Приростная конкурентоспособность, ед.
США	4,6	2,6	-5,7	5,5	47,24
Германия	1,2	1,7	3,3	10,5	47,31
Япония	3,2	0,0	3,5	4,7	124,88
Великобритания	3,2	1,3	-2,2	4,8	77,05
Россия	7,1	18,8	-7,1	7,6	-1,64

Источник: [6, с. 21].

табл. 2) обусловлено вполне объективными причинами. Дело в том, что в условиях колоссальной стоимости современных исследований и разработок их осуществление экономически целесообразно только в крупных странах с достаточно большим числом потребляющих научно-техническую продукцию предприятий, поскольку только в этом случае затраты окупятся в масштабе всей национальной экономики. Если же малая или даже средняя страна будет инвестировать ресурсы в дорогостоящие НИР и НИОКР, результаты которых все равно рано или поздно будут скопированы во всем мире, в условиях малого числа отечественных потребителей эффективность этих затрат будет весьма низкой или вообще окажется отрицательной. Именно по этой причине Беларусь, высокий интеллектуальный потенциал которой в свое время обслуживал весь огромный СССР, сегодня вынуждена быстро снижать стоимость выполняемых НИР и НИОКР и концентрировать ограниченные ресурсы на наиболее важных направлениях (например, по состоянию на ноябрь 2004 г. во всемирном перечне 500 наиболее быстрых ЭВМ белорусская машина заняла весьма почётное 89-е место, в то вре-

мя как российская — лишь 271-е [6, с. 22]). Отсюда следует чрезвычайно важный вывод о том, что для сохранения высочайшего научно-технического и интеллектуального потенциала наша страна просто обязана интегрироваться в единое экономическое, образовательное, научно-техническое и технологическое пространство с Россией и другими странами ЕвразЭС и СНГ. Не в последнюю очередь по этой причине всяческого одобрения и поддержки весьма заслуживает прагматичный и дальновидный курс высшего белорусского руководства на построение, прежде всего, Союзного государства, а также на активное участие в других интеграционных процессах.

В остальных странах СНГ ситуация по мере продвижения к рыночному капитализму оказалась вообще критической, что обусловлено быстрой деиндустриализацией и примитивизацией («запризацией») национальных экономик. Специалисты отмечают, что «в базовых отраслях промышленности происходило свертывание производства наукоемких видов продукции, определяющих технический и технологический уровень производства. Так, в странах Содружества с использованием современной техники добы-

вается лишь 10 % нефти, а потому степень извлечения ее запасов не превышает 40–50 %. В химической промышленности доля прогрессивных материалов и продуктов в общем объеме выпуска в 2–3 ниже, чем в экономически развитых странах, а удельный вес продукции, выпускаемой по устаревшей технологии, достигает 60 %. В машиностроении только 20 % выпускаемой продукции соответствует мировому уровню. В чёрной металлургии на устаревшем оборудовании производится более 60 % стали. Ухудшилась и структура промышленности, гипертрофировано выросла доля топливно-энергетических отраслей. Ситуация в машиностроении сложилась просто критическая: его доля в промышленном секторе экономики государств – членов СНГ сократилась в 1,5–2 раза, а доля машиностроительной продукции в общем объеме экспорта упала с 17,5 в 1990 г. до 4–5 % в 2000 г.» [8, с. 338].

Итог сопоставимого с национальной катастрофой рыночного разгрома научно-технической сферы и наукоёмкой индустрии на постсоветском пространстве сводится к тому, что на рубеже веков почти все страны СНГ (за исключением Беларуси и Молдовы) имели ярко выраженную сырьевую ориентацию экспорта, поскольку в большинстве из них на долю 3–5 видов сырьевых продуктов и полуфабрикатов приходилось от 57,5 (Украина) до 85,0 % (Туркменистан) стоимости вывозимых за границу товаров [8, с. 338–339]. Как говорится, либерально-рыночные реформы по рецепту «вашингтонского консенсуса», нацеленные на превращение переходных стран в сырьевую провинцию западной цивилизации, в действии! Отнюдь не случай-

но, что из всех стран региона первой смогла выйти на дореформенный уровень производства и жизни лишь «первичная» Беларусь, где «невидимой руке» рынка, бдительно охраняющей интересы одного лишь крупного (значит, западного) капитала, не было дозволено вытеснить из сферы управления экономикой «зримую руку» Президента, неукоснительно соблюдающую интересы белорусского народа.

Представленный в данной статье анализ глобальных и региональных (относящихся к региону СНГ) тенденций и проблем развития научно-инновационной сферы позволяет заметить общую для стран Содружества стратегию преодоления трансформационного кризиса как в научно-инновационной сфере, так и в реальном секторе экономики в целом. Прежде всего, в странах СНГ необходимо решительно отказаться от либерально-рыночной доктрины развития, ведущей к формированию рыночного капитализма со всеми недостатками и противоречиями (чужовищная экономическая дифференциация индивидуумов, народов, стран и целых континентов; стимулирование безграничного потребления и чрезмерной нагрузки на окружающую среду; превращение в товар всего, что приприсит прибыль – человека, его тела, внутренних органов, достоинства, совести, жизни и т. д.). В условиях стремительной монополизации мировой экономики западными ТНК и ТНБ, финансовые обороты которых сегодня многократно превышают ВВП абсолютного большинства стран мира, всерьёз вести речь о чудотворной силе рынка, его «невидимой руке», конкуренции и прочих рыночных рудиментах могут либо наивные чудаки, либо люди, тем

или иным образом заинтересованные в подчинении переходных экономик странам «золотого миллиарда», где, собственно, и базируется большинство ТНК и ТНБ. В системе экономического образования необходимо как можно скорее отказаться от повсеместной трансляции отвечающего интересам крупного (значит, западного) капитала неоклассического «мейнстрима», абсолютизирующего всесильие «невидимой руки» рыночного капитализма и тем самым методологически вытесняющего из сферы управления экономикой «зримую руку» Президента, олицетворяющую безусловный приоритет общественных и национальных интересов страны.

Кроме того, важно всегда и всюду помнить слова побелевского лауреата В. Леонтьева о том, что экономика — это яхта, у которой наддуваемые ветром паруса — личная заинтересованность, а руль — государственное регулирование. Сегодня, когда западные супергиганты (ТНК и ТНБ) не только обладают колоссальной экономической силой, но и действуют в условиях тотального финансово-экономического и даже военно-политического патронажа национальных правительств, как-то противостоять всепоглощающей монополюющей власти западных метакорпораций и конкурировать с ними способна только высоко интегрированная экономика с сильным государством в основе, не только не бросившим штурвал управления экономикой на произвол рыночной стихии, но и усиливающим свою роль по всем направлениям — и как регулирующего органа, и как глобального предпринимателя. Все это означает, что рывок на всесилье рынка, который должен способствовать сам собой, автоматиче-

чески, без вмешательства государства всё расставить по своим местам и нормализовать процессы в научно-инновационной сфере, в реальном секторе экономики, в социальной сфере, бессмысленно и даже преступно.

Таким образом, очевидно, что сегодня для стран СНГ и ЕвразЭС в целях обеспечения ответа на указанные глобальные вызовы современности *весьма актуальна проблема зримости четкой, продуманной, исходящей исключительно из национальных интересов государственной научно-технической и инновационно-промышленной политики*, причём особую актуальность эта задача приобретает для Беларуси и России в рамках союзного строительства.

Непременные условия эффективности данной политики [15, с. 168–170]:

а) безоговорочный отказ от разрушительной либерально-рыночной доктрины развития, основанной на ошибочной вере в самодостаточность «невидимой руки» рынка (по словам побелевского лауреата Дж. Стиглица, «рука может быть невидимой лишь по той причине, что ее попросту не существует»);

б) восстановление (укрепление) практики средне- и долгосрочного планирования развития народнохозяйственного комплекса, как это сегодня имеет место во всех наиболее развитых странах мира;

в) значительное усиление (восстановление) регулирующей и планирующей роли государства в научно-технической и инновационной сферах и других наукоёмких и высокотехнологичных отраслях национальной экономики;

г) ориентация на инновационный потенциал крупных и очень крупных

вертикально интегрированных государственных и государственно-корпоративных компаний, связывающих в единую технологическую цепочку процессы добычи и первичной переработки сырья, превращения в продукцию конечного потребления и организованной сбыт [6, с. 18] (в условиях стремительного удорожания НИР и НИОКР, а также быстрой монополизации мировой экономики и, особенно, научно-технической сферы западными megакорпорациями уповать на конкурентные преимущества малого бизнеса глупо и бесперспективно);

д) кратное увеличение государственного финансирования НИР и НИОКР, прежде всего по естественно-научным и инженерно-техническим направлениям, а также вузовской науки и образования, что неизбежно послужит катализатором инновационной активности в предпринимательском секторе;

е) как альтернатива активно критикуемому учёными стабилизационному фонду создание Российского инновационного фонда, призванного по примеру Белорусского инновационного фонда (создан в 1999 г. и уже профинансировал более 35 инновационных проектов на сумму не менее 2,1 млн. USD [9, с. 90–93]) осуществлять реальную финансовую поддержку инновационных проектов, что, несомненно, будет более рационально, чем инвестировать ресурсы стабфонда в экономику США;

ж) углубление интеграции научно-инновационной сферы с реальным сектором экономики, в том числе восстановление сознательно уничтоженной в процессе рыночного «оздоровления» отраслевой науки — системы отраслевых НИИ и КБ [15, с. 190–192], а также разработка и совершенствование

теоретико-методологических основ инновационно-промышленной политики;

з) реализация интеграционного эффекта от межгосударственной (прежде всего в рамках Союзного государства и ЕврАзЭС) научно-технической и инновационно-промышленной политики, включая создание Союзного инновационного фонда, что позволит снизить ущерб от одного из наиболее нерациональных на фоне мировых тенденций к интеграции явлений XX века, связанного с социально-экономическим размежеванием на постсоветском пространстве.

Литература

1. Андреев С. Ю. Набат. Не говорите потом, будто вы его не слышали! М., 2002.
2. Байнёв В. Ф. Современный либерально-рыночный капитализм как главный фактор кризисного развития и глобальных проблем цивилизации // Новая экономика. 2005. № 3–4. С. 5–27.
3. Байнёв В. Ф. Эксплуатация как категория новой политэкономии // Новая экономика. 2005. № 5–6. С. 5–22.
4. Волович В. П. О сущности и стратегии российских экономических реформ // Проблемы современной экономики. 2003. №3/4. С. 64–68.
5. Губанов С. Планово-корпоративная система и конкурентоспособность // Экономист. 2005. № 12. С. 5–21.
6. Губанов С. Рост отсталости и отсталость роста // Экономист. 2005. № 3. С. 13–29.
7. Иванова Н. И. Национальные инновационные системы. М., 2002.
8. Инновации и экономический рост. М., 2002.
9. Инновационные ресурсы России и государств — участников СНГ: Материалы

Развитие научно-технической и инновационной сферы переходных к рынку стран в контексте глобальных вызовов современности

V Междунар. салона инноваций и инвестиций (Москва, ВВЦ, 15–18 февраля 2005 г.), М., 2005.

10. Келле В. Ж. Инновационная система России: формирование и развитие. М., 2003.

11. Наука и инновации в Республике Беларусь: Стат. сб. / Тамашевич В. Н. и др. Мн., 2003.

12. Россия перед лицом глобализации. М., 2004.

13. Стратегия выбора, выбор стратегии: Материалы науч. конф. (г. Москва, 4–5 нояб. 2003 г.). В 3 ч. Ч. 1. М., 2003.

14. Субето А. И. Быть России в XXI веке или не быть? (Открытое письмо ко всем ученым-экономистам России). СПб., 2005.

15. Экономическая наука в начале третьего тысячелетия: история и перспективы развития: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 65-летию экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 22–23 сентября 2005 г.). Секции 1–3. СПб., 2005.

16. Экономический рост и вектор развития современной России / Под ред. К. А. Хубиева. М., 2004.